

Эсеровщина и колчаковщина в Нарьме.

Через несколько дней после возвращения моего с русско-германского фронта за Белоярское, что имело место в первых числах марта месяца 1918 года, мы узнали, что в гор. Нарьме и с. Колпашеве произошел местный (преждевременный) эсеровский переворот, увенчавшийся разоружением состоящего из десятка человек отряда красноармейцев и арестом Нарьмского краевого комиссара тов. Шишкова Александра Васильевича, (впоследствии погибшего на пристани Дубровино от кулацкого восстания в Кольванском районе летом 1920г.)

Так как белоярские рабочие, за революционные убеждения и симпатии к большевикам, проявляемые не только словом, но и делом, находились у господ эсеров на весьма плохом счету, то они, в первую очередь, решили покончить с ними, вынудив путем полного изъятия оттуда заготовленного для рабочих продовольствия (муки) оголодать их и заставить разбежаться это, по их выражению, "осиное гнездо".

Для этого командировали из Нарьмы несколько милиционеров. Произошло "объяснение" между ними и нами, каковым Нарьм остался недоволен и вслед за первым, послал следующий отряд, с приказом белоярским рабочим: сдать продовольствие, на случай противодействия рабочих, употребить отряду оружие.

Отряд этот, начавший "вольничать", мы окружили и имели полную возможность отнять у него оружие, что и я предлагал сделать, но совету моему не последовали, в чем впоследствии раскаявались. Продовольствие решено было разделить между рабочими под круговую поруку, уделив до 500 пудов окрестным неимеющим хлеба селениям, что и исполнили.

Вскоре после происшедшего, мы получили официальное сообщение из Нарьмы, о водворении на прежний пост тов. Шишкова и предложение установить на Белом яру кордон для задержания проскальзывающих на среднее и верхнее течение реки Тьма спекулянтов. Это было выполнено, при чем товары с задержанных нами лодок были описаны, опечатаны и сложены на Белом яру, до получения об них дальнейшего распоряжения из г. Нарьмы.

С открытием навигации, вместо ожидаемых нами от Соввласти отношений, мы узнали об эвакуации ее, а в начале июня м-ца получили предписание эсеровского краевого комитета возвратить отобранные товары владельцам, что и пришлось сделать.

В июле месяце прибыл в Белоярское пароход "Беланный" с тремя пустыми баржами для погрузки в таковые заготовленных в Белоярском лесоматериалов. Вместе с тем пом. лесничего была нам передана форма, с требованием на предмет Нарьмы, регистрации имеющегося у нас нарезного оружия, на которой я написал, что "оружия на Белояре нет".

Так как нагрузка являлась единственной возможностью заработать нужную сумму денег для оплаты, казне оставленного рабочим продовольствия и об этом знали нарьмские эсеровские власти, то ими были употреблены все меры к срыву этой грузки и отстранению от нее белоярцев.

Для этого, (видно по соглашению с Томском) послана была на пароходе и на баржах подобающая, не то команда, не то артель, состоявшая из бывших спекулянтов-беженцев и хулиганов плюс порядочная масса одураченных крестьян из города Нарьма и дер. Пиндола. Командир жембы тоже был... подходящий.

С первой встречи, начались провакационные выходы их, против нас "большевиков". Нами были приняты все меры к соглашению, которое было достигнуто и, того-же дня, мы приступили к погрузке. На следующий день, приезжая команда и артель, кроме крестьян, вышла на работу с опозданием почти на три часа, несмотря на "спешность" погрузки и условленную в договоре неустойку с нас за невыполненные к сроку работы. На наше замечание, нам ответили насмешками, поэтому белоярские рабочие, столкнувшись с крестьянами, решили составить отдельную общую артель, в какую старшиной выбрали меня и разделить работу, т.е. лесоматериалы, между парходной и нашей артелями. Согласились и началась погрузка.

Команда, погрузив хорошо оплачиваемые сортименты, при явном попустительстве администрации, отказалась от погрузки круглого леса, который мы приняли на себя и во время погрузки его нами, принялась за погрузку, сравнительно легкую, хорошо оплачиваемых, доставшихся по условию нам, сортиментов.

Видя, что здесь есть явная цель со стороны администрации спровоцировать рабочих, ибо никакие убеждения на команду не действуют, а в результате ругани они стали вытаскивать с парохода "берданки", я распорядился о раздаче некоторым рабочим винтовок, предупредил артель, а равно и командира парохода, раз начнется кровопролитие за которое ответственность перед "законом" умудряются свалить на нас, то мы ни одну душу из них живьем не выпустим, заставил их прекратить безобразие.

Часть крестьян, напуганных происшедшим, покинула работы. За это в № 1 "Сибирского судоходца" за август 1918 г. в заметке "По р.Тыму", была каким то писакем налита изрядная порция желчи и клеветы на Белоярцев, где говорилось о какой то "банде" в 30 вооруженных человек", (а всего то было 5 винтовок) с призывом к "властям" о необходимости употребления по отношению к нам "принудительных мер".

В конце июля этого же года прибыл в село Тымское, а затем поселился на Белом яру бывший зав.хозчастью Томского Совдепа в 1917-1918 годах тов. Долгов Василий Прокопьев и проживавший до 1914 года в районе Белояра тов. Толпаров Владимир Иванович (павший в марте 1921г. от белогвардейской пули в бою под деревней Мурасовой).

Вслед за ними т.т. Озол (впоследствии председатель Томского Губкома РКП в 1920 году) и Дубельштейн Михаил с целью укрыться от преследовавших их эсеров. Пробыв некоторое время среди нас, тов. Озол отправился в гор. Томск, где продал набранную нами в бору ягоду и привез необходимые вещи и оружие для дальнейшего проживания в тайге, но на реке Оби, близ устья р. Тыма, перегруженная лодка внезапно налетевшим шквалом была опрокинута и все имущество потонуло.

Тов. Озол и Дубельштейн были на Белом яру снабжены необходимым и покинули нас.

С воцарением Колчака, лесозаготовки на Белом яру были прекращены, но предусматривавшие это рабочие, приспособились жить промыслом рыбы и другими работами.

С весной 1919 года начались применяться к Белоярянам "понукательные меры". И так в мае месяце на Белоярское отправилось около десятка милиционеров для ареста тов. Долгова В.П., о котором создали легенду что, он подделывает Омские кредитки. Отряд этот дошедши до места "Большой Летис", что под с.Тымском, вспомнив, что у нас имеется оружие, потерял решимость и ушел обратно.

В начале июля арестовали в с.Тымском гр.Шибанова Федора петровича, бывшего административного ссыльного с 1905 года

за открыто выражаемую им Белоярцам и большевикам симпатию. Довези до села Тискина, где спровоцировали побег и расстреляли.

В конце июля того же года, на Белоярское прибыла бронированная моторка с "коралкой" в 40 человек, под командой штабс-капитана Бакена. Рабочие и тов. Долгов успели скрыться в тайге. Не застав никого кроме детей и женщины на месте и порывшись по домам, убралась во свояси, а захваченного на пути по р. Тыму рабочего т. Тиунова Филиппа Васильевича отпорол шомполами и ограбили. Я находился на острове напротив Тымского, где помогал ставить сено малочетной семье убитого Шибзева и отсюда иногда являлся в названное село с целью узнать кое что о годах да и вообще иметь их на виду.

Намерений их мне не удалось разгадать и они обшарили тайгой Белый яр пробрались в район р. Сангильки, где скрывались тов. Долгов, Артюшенко, Толпаров, Выхребенцев и благодаря лишь неосторожности тов. Долгова, отделившегося от остальных товарищей и подлости бывшего административного ссыльного, жителя ярт Тымоль-Поромо Маркова Михаила, указавшего им место нахождения, арестовали, захватив безоружным товарища Долгова вместе с женой Чистяковой Верой Николаевной, а на обратном пути напали врасплох на неожиданных ничего и безоружных Белоярских рабочих, из которых ограбили, арестовали и отправили в Томскую тюрьму: т. т. Тиунова Филиппа, Француза Андрея, Кнопа Иосифа, Павляка Владислава, Артюшенко Акима (сним Сергея находившегося в Сангильке) и Гаврилова Давида.

Тов. Долгова они решили убить, находясь еще на р. Сангильке, а произведши ревизию в его жилище на Белом яру и польстившись на его личное имущество, предводитель отряда начальник 9-го участка Тугорукровский у милиции Завадовский Иван Семенович (расстрелян в 1920г.) решили убить и добровольно следовавшую за тов. Долговым его жену Чистякову, для чего отправили их под конвоем милиционеров Сердяковых Александра и Василия (тоже расстрелянных в 1920г.) вперед с поручением свести арестованных на просеку, что в Версте от Бело-яра и там убить.

Это случилось в ночь с 21 на 22 сентября. Впоследствии, при опросе Серяковых, выяснились подробности убийства, так же оправдываемого попыткой арестованных бежать. Падший дотопе впереди арестованных, милиционер Серяков Василий, предложил им свернуть и следовать вперед по просеке, а сам остался свали. На недоумевающий вопрос тов. Долгова, зачем идти по просеке, по которой есть непроходимые болота-зыбуны, Серяков ответил, что велел начальник и выстрелил в спину повернувшемуся и пошатнувшему по просеке тов. Долгову, который свалился, а Чистякова, с раздробленным локтем правой руки, обернувшись к ним, воскликнула, "что вы делаете, добейте меня"! Ее убили двумя выстрелами. О случившемся я постарался сообщить тов. Толпарову посредством остяков, предлагая вывести часть скрытого им в тайге по р. Сангильке оружия и выйти, дабы, наконец, принятая шерстить гадов намерившихся, (как впоследствии выяснилось) под конец уже, достать меня, его и еще оставшихся товарищей.

Сам я находился с т. Грелем Карлом близ Белого яра и ловил рыбу, которую сдавали посредством людей и таким образом получали нужный нам хлеб. Наконец, накануне декабря, наши посланники наткнулись на т. Толпарова и передали ему в таком, искаженном виде, что он не понял и вынес только два револьвера. Вышел он к нам 3 декабря вечером. Объяснив ему все, мы посоветовавшись решили втроем: т. Толпаров и Грель с револьверами, я с ножом отправиться 4 декабря к вечеру в село Тымское, перебить гадов, захватить оружие и начать партизанить; Толпаров перебить людей, захватить оружием вооружив остальных рабочих, налететь на Нарым и истребить всю пацку.

Это нужно было сделать, тем более, что освобожденные из Тымской тюрьмы, безоружные товарищи, вынуждены были зарываясь в снег, подобно глухарям, ночевать в лесу, ибо Завадовский поклялся уничтожить нашу "шайку".

Прибыв в с. Тымское и разузнав, что Завадовского и некоторых милиционеров (убийц Долгова) нет и они должны прибыть ночью, мы занялись чаепитием и беседой у сотоварища убитого т. Долгова, т. Лобинцева Константина Петровича, не посвящая его, однако, в наши намерения. За этим-то чаем нас застали врасплох, посланные арестовать нас, вернувшись ранее предполагаемого времени Завадовским, 7 милиционерами.

Угрожены им были из револьверов, при чем убит ст. мил. Филатов, ранено 2-е, остальные, вместе с ранеными, разбежались и скрылись.

Мы захватили у них 1 револьвер и 3 винтовки. Плохое нападение получилось по той причине, что они находились в темноте, а мы в светлой комнате. Захваченного колчаковцами в качестве "понагого", помощника сельского старшины гр. Луговского Гавриила, мы нашли пригнанным в углу в сенях и стараемся скрыть свое большое тело за маленьким плавающим корытом. Его успокоили и отправили домой. В свалке тов. Толпаров был ранен в ногу. Пуля, попав в верхнюю часть голени, вышла под коленом. Однако, он отправился с нами добывать Завадовского.

Узнав, что в с. Тымское явились некоторые рабочие с Белояра и побежал вперед и нашел т.т. Нерина А., Тнунова Ф. и Серву Лавр., позвал их с собой, рассовав им оружие. Окружив дом, где жил Завадовский и разоставив людей так, чтобы нельзя было на них налететь врасплох, стали искать Завадовского, который притаился в бане, и обнаруженный, стал отстреливаться, но был тяжело ранен 2 пулями, (мы полагали, что он убит).

Захватив еще револьвер и винтовку, а также перевязочные средства, я перевязав т. Толпарова, отправился к т.т. на поиски скрывавшихся колчаковцев, оружия и патронов. Провозившись безуспешно до поздней ночи, имея на руках раненого и не имея патронов, отправились мы на Белоярское.

Изволь о налете на Нары пришлось на время оставить. На Белоярском мы застали вышедших из тайги т.т. Артищенко Сергея и Вискробенцева Никиту. Посоветовавшись, окончательно решили: захватить с Белояра 100 пудов муки, нужный шанцевый инструмент, пилы, топоры и посуду, взять подороже у остяков лыжи и нарты (что они зная нас, охотно дали) и отправиться на 7 н. "Горелый остров", находившийся на болоте-выбуне, по течению р. Сингильки, в 70 верстах от Белояра, укрепиться на нем, одновременно достать скрытые в вершине реки Сангильки патроны и оружие и принять на нем колчаковцев.

На все, по точному расчету, мы имели 4-5 дней времени. В это время мы добрались до места, сталили муку, оружие и патроны из реки Сангильки с расстояния 200 почти верст и из Н"етута с расстояния 40 верст, вырыли, а вернее выдолбили в мерзлой земле яму глубиной в 5 четвертей аршина и 8-9 аршин, на ней соорудили деревянный, обваленный землей блок-хауз с бомбистами и окопом от дверной стороны, завалили перешеек, соединяющий наш мех с островом, громадной засекой, очистили от зарослей и вымерив точно дистанции на болоте оставили отдельные кусты для корректирования огня и кроме того несли постовую и разведочную службу.

Одну ночь, ложно потревоженные, вылежали на опушке леса цепи, на 36° слишком морозе.

Досталось ладно. Было нас 13 человек: раненый т. Толпаров, Лобанцев, Константин Петр и жена его Вера, Артюшенко Сергей, Тиунов Филипп, Невин Александр, Серге Лаврентий, Павляков Владислав, Грель Карл, Француз Андрей, Вискребенцев Никита, Кноп Иосиф и я.

Две недели почти питались мы исключительно немислимыми клецками и галушками на соленой воде. Впоследствии ухитрились печь хлеб, загребая тесто в раскаленный песок, (глину для печи надо было раздобывать верст за 30).

Рыбачить нечем было да и негде, тоже и охотиться. Переждав до 12 декабря мы отправили разведку до с. Тымского, а ^в ^{узнав, что} затем на Белоярское, был отправлен отряд Соликальцев численностью в 40 человек во главе с начальником нарымской милиции, который похоронил с почестями убитого нами Филатова, побегобрал в с. Тымском, а по настоящему на Белоярском, где перестреляли собак, поломали самовары и посуду, покололи штучками мыло, картофель, забрали рыбу, мясо, деньги, некоторую одежду и вернулись мертвецами пьяные, отпуская по нашему адресу всяческие жижжжжжжжелания.

Если бы мы предвидели этот случай, мы бы не уходили на Горелый остров, не мучились бы, а встретили бы их на дороге, перебили всех и воспользовались бы оружием и меховой одеждой, без которой приходилось жестоко страдать от морозов.

Следующая разведка принесла новость об эвакуации из Нарыма всей гадости и письмо от Комитета общественной безопасности, призывающее нас выйти в Нарым и до прибытия из Томска красноармейцев, охранять таковой.

Мы отнеслись недоверчиво и не решились выйти, но спустя 2 дня получили подтверждение о совершившемся 17 декабря в Томске и вышли. У соединенной нашей лыжной и конной дороги нас ожидали подводы.

Прибыв на Белый яр, мы вечером устроили собрание, избрали Ревком, коего председателем был Артюшенко С.Н., а секретарем и членом я, и на следующий день отправились в с. Тымское, куда нас звали на общее собрание. Днем составили комиссию переписавшую и опечатавшую не расхищенное имущество т. Долгова, отобрали оружие у местных торгашей и лиц в свое время симпатизировавших колчаковцам, я произвел допрос некоторых лиц, косвенно замешанных в убийстве т.т. Шибаева и Долгова, вечером на собрании разъяснил гражданам разницу между колчаковщиной и Соввластью и избрали Ревком.

В конце декабря, ночью мы получили известие что, в ю. Прохоркиных, организуется отряд из остатков колчаковцев, который должен быть численностью до 40 человек и намерен пробыться на р. Вас"юган. Мы, имея 8 свободных винтовок решили предупредить их: внезапным нападением обезоружить, или перебить в крайности.

Вперед, как разведка, отправился я и тов. Павляк Владислав, вслед за нами, спустя несколько часов, остальные товарищи. Тревога оказалась ложной. В Прохоркиной проживал убравшийся из юрт Прохоркиных мировой судья Нефедов и студ. Каратаев. Их задержали в г. Нарыме. Нефедов прослужил секретарем Нарымского Ревкома, а затем и Райисполкома до августа 1920г, а Каратаев по требованию Сургутских властей, был арестован и отправлен в их распоряжение. После всего мы приступили к заготовке лесоматериалов (шпал), от которой меня в марте месяце 1920г. оторвали в Нарым, на Советскую службу.

Перепечатано из кн.: Сборник Истпарта № 1 Сиббюро ЦК РКП (большевиков). Новониколаевск, 1923г. Стр. 76-81.